

6 ФЕВРАЛЯ

СТРАНИЦЫ ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

На отдых в Сочи приехали из Риги гг. П. П. Плесум — депутат Верховного Совета СССР, О. А. Вавере и Е. А. Плесман. Все они — бывшие политзаключенные, прошедшие долгие годы в застенках капиталистической Латвии. Из Риги их провожали напутствием, — обязательно побывать в доме, где жил и творил Николай Островский. Они сделали это на второй же день по приезде в Сочи. Ева Плесман и Ольга Вавере — бывшие политзаключенные срочной женской тюрьмы в Риге — увидели в музее номер газеты «Известия» с напечатанным в нем письмом к Н. Островскому в 1937 г. Они участвовали в составлении этого письма и в отправке его из тюрьмы. В беседе с корреспондентом «Курортной газеты» гг. Вавере, Плесман и Плесум поделились воспоминаниями о том, как был встречен в латвийских тюрьмах роман Н. Островского «Как закалялась сталь».

— Власти прежней Латвии, — говорит П. П. Плесум, — стремились заточить в тюрьмы всех борющихся против капиталистического строя. Тюрьмы были переполнены, большинство попадавших туда не выпускалось и по окончании срока своего заключения. Мой шестилетний срок истек в 1938 году, а пробыл я в тюрьме до 21 июня 1940 года, то есть до момента освобождения всех политзаключенных Народным правительством Латвии.

В Центральной рижской тюрьме нас содержали в специальном корпусе. Там были самые крепкие запоры и нерушимо действовала тонко разработанная система истязаний и глумлений над человеком. И все-таки среди надзирателей находились честные, сочувствовавшие нам люди. Они помогали нам поддерживать связь с внешним миром. Может быть, таким путем и попала к нам летом 1937 года книга, которую все мы давно мечтали прочитать, — роман Островского. Несколько недель мы буквально жили ею. Многие из нас сами участвовали в гражданской войне в возрасте героя романа Павла Корчагина. Книга воскрешала эти годы, поднимала наш дух, укрепляла веру в близкую победу.

— А мы достали «Как закалялась сталь» гораздо раньше, в 1936 году, — рассказывает Ольга Вавере. — Почти год читали и обсуждали мы эту книгу. Она была у нас в одном экземпляре, а читательниц — больше ста! Каких трудов стоила передача книжки из камеры в камеру. А тут еще не все знали русский язык. Выручила нас заключенная Мильда Биркенфельд. Она начала переводить роман на латышский язык, и чтение пошло быстрее. Как распространялся перевод? Долгое время у нас в тюрьме существовало своеобразное «почтовое отделение» — бездействовавший мусорный ящик. Туда и поступали переводившиеся Мильдой части книги «Как закалялась сталь».

Когда все в тюрьме прочитали книгу, кто-то предложил написать Островскому письмо. В сочинском музее мы видели сотни таких писем от восхи-

щенных и благодарных читателей, но они шли с воли, а мы задумали послать свое письмо из тюрьмы. Недели ушли на составление письма. Как и книга, оно переходило из камеры в камеру и всюду его чем-нибудь дополняли. Писали на бумаге от папиросных гильз, доставать которые удавалось с трудом, потому что в женской тюрьме курение запрещалось.

— Когда письмо попало к нам в камеру, — говорит Е. Плесман, — спрятали мы его испытанным способом, в соломинку, вынутую из матраца и вновь туда вложенную. Чтобы драгоценная соломинка не потерялась, к ней привязывалась нитка, слегка выпускавшаяся из матраца. И нитка же было случиться на этот раз так, что нитка оборвалась, а соломинка смешалась с тысячами других!.. Что было делать? Пришлось моей соседке Аустре представиться сильно захворавшей, а я выпросила у надзирательницы коптилку для ухода ночью за подругой. Стараясь не производить ни малейшего шума, задыхаясь от пыли, мы вспороли матрац и осматривали каждую соломинку, пока не нашли прощажу.

Наконец, письмо было готово. Оставалось переслать его товарищам на волю для отправки в Москву. Случай подвернулся. Из тюрьмы выходила надежная девушка, отбывшая срок своего заключения. Долго думали, как пронесет она письмо. Написано оно было на крошечных листочках папиросной бумаги, промоченных предварительно в молоке и тщательно обмятых, чтобы не шуршали. Разделив листочки, положили их в обтянутые материей пуговицы на кофточке выходившей. Придирчиво осматривали всю ее одежду надзирательницы, ощупывали каждый рубчик и шов, крутили в пальцах пуговицы, но ничего не заметили.

Так ушло наше заветное письмо. О том, что не застало оно в живых писателя, узнали мы много времени спустя. Сейчас у нас в республике издается книга «Как закалялась сталь» в том самом переводе, который сделала в тюрьме Мильда Биркенфельд.